

ФЕНОМЕНЫ ПЛЮРАЛИЗМА И ТОЛЕРАНТНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ЭТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Актуальность исследования указанных в названии статьи феноменов, а также сопряженной с их анализом проблематики представляется в настоящее время вполне очевидной. Свидетельством этого, в частности, является широкий общественный резонанс, связанный с разнообразными дискуссиями вокруг проблем толерантности и плюрализма, большим количеством размышлений публицистического и художественного характера, использованием соответствующей терминологии в политической риторике. Можно сказать, что феномены плюрализма и толерантности приобрели своеобразный статус «модных» тем обсуждения как в общественно-политическом плане (появление, например, Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО), так и в быденном сознании. Такой интерес к проблеме не является, конечно, случайным и имеет «сильную мотивацию», связанную с нарастающей деструктивностью современного «многополярного мира», проблематизирующей его дальнейшее существование. В таком контексте плюрализм и толерантность часто рассматриваются в качестве ведущей ценностной ориентации, призванной эффективно противостоять общей угрозе распада и стабилизировать положение дел в многочисленных отдельных «болевых точках», включая сферу межличностных отношений людей. Человеческий мир настолько *плюралистичен*,

что противостоять «войне всех против всех» можно только на основе *толерантности*, поскольку она не отрицает, а предполагает множественность.

«Многоаспектная напряженность» этих сущностно взаимосвязанных феноменов также достаточно очевидна, однако их исследовательская парадигма характеризуется пока содержательной и логической аморфностью. Это обстоятельство затрудняет попытки концептуализации в данном проблемном поле, однако, с другой стороны, стимулирует изучение различных проявлений его «многоликости».

Этический исследовательский ракурс феноменов плюрализма и толерантности предполагает их «размещение» в соответствующем проблемно-категориальном поле, значимым элементом которого является проблема сущего и должного. Ясно, что эта проблема не представляет собой теоретического «монолита», напротив, в любых проявлениях этического сознания ее неперенное присутствие обнаруживается различным образом, создавая ей поливариативное «звучание». Один из возможных вариантов, частично отраженный в статье, связан с рассмотрением проблемы должного-сущего в качестве своеобразного фона исследования каких-либо феноменов (в данном случае – плюрализма и толерантности). В контексте этой установки уровень должного может преимущественно фиксироваться теоретическим срезом изучаемых феноменов, а уровень сущего – их эмпирической фактурой. Такой (несколько упрощенный, но по большому счету соответствующий специфике этического знания) подход вполне целесообразен при условии понимания реальной «неразрывности» должного и сущего. Конкретизируя указанную ориентацию, следует отметить, что «теоретический аспект» в данном случае представлен совокупностью определенных идейных установок, а «эмпирическая иллюстрация» – кратким анализом мнений небольшой группы респондентов.

Понятно, что любая попытка научного исследования феноменов плюрализма и толерантности предполагает преодоление уровня обыденного сознания и интуитивно-эмоциональной предвзятости, теоретическое обобщение эмпирического материала, структуризацию и осмысление понятийного поля анализируемого феномена и т. п. в целях обоснования некоей комплексной концептуальной модели. Однако в настоящее время осуществление такого рода замысла сталкивается с весьма серьезными трудностями, в том числе – с недостаточной степенью разработанности данных проблем именно в *научной* литературе.

Следует отметить, что серьезных работ, посвященных проблеме плюрализма и экспликации его форм, немного. Очень часто этим понятием оперируют весьма вольно, полагая его содержание чем-то самоочевидным. Отчасти так оно и есть, ведь само слово происходит от латинского *pluralis*, то есть «множественность», то, что «многообразно», а не «единообразно».

В целом плюрализм рассматривается как общий принцип отношения к разнообразию мира и основывается на признании многообразия мировоззренческих, культурных, политических, религиозных, эстетических и т. д. позиций и взглядов. В таком ракурсе он выглядит чрезвычайно абстрактным, поэтому (в интересах конкретизации и установления более тесной «связи с жизнью») традиционно увязывается с набором прав и свобод человека, определенных в соответствующих международных документах, а также рассматривается в тесной взаимосвязи с толерантностью.

Что же касается феномена толерантности, то описание различных его граней представлено большим количеством весьма разнообразной (по содержанию, стилю, оценочной аттестации) литературы, в которой трудно обнаружить необходимое идейное единство, позволяющее говорить о комплексном, системном подходе к анализу этого феномена и, тем более, о наличии обоснованной, разработанной модели его этической интерпретации.

Имея в виду эту научно-исследовательскую неопределенность, можно попытаться наметить некоторые конструктивные идейные ориентиры, позволяющие продвигаться по пути созидания теоретического базиса *этической* интерпретации плюрализма и толерантности, поскольку именно она может выступить источником солидаризации мнений, особенно в отношении их практической проекции. Целесообразно при этом определить в качестве начальной точки анализа феномен плюрализма, описание граней которого позволит «вводить в действие» и феномен толерантности.

Многообразие мира – неоспоримый факт, поэтому плюрализм как термин, фиксирующий это многообразие, не должен, казалось бы, вызывать ни позитивной, ни негативной оценки. На самом деле это не так. Когда речь заходит о допустимости существования различных идеологических моделей, политических доктрин, правовых установок, эстетических стандартов, нравственных ориентиров, религиозных систем и т. д., обнаруживается «плюралистичность» подходов к *оценке* феномена плюрализма. Если упростить и обобщить ситуацию, то можно сказать, что плюрализм рассматривается либо как благо, добро, либо как зло.

Таким образом, современный контекст *понятия «плюрализм»* не ограничивается констатацией факта множественности мира, собственно поэтому и возникает *проблема плюрализма*, связанная с поиском причины, основания такой формы проявленности мира и – главное – с *отношением* к такому положению дел. В контексте определенного варианта осмысления этой проблемы используется также довольно аморфное понятие «*принцип плюрализма*», которое фиксирует мировоззренческое и, особенно, деятельностное проявление отношения к плюрализму.

Возможны три наиболее общих варианта отношения к бесконечному разнообразию мира. Нейтральное отношение чрезвычайно сложно осу-

ществлять в реальной жизненной практике, при столкновении с «иным» и категорически чуждым.

«Плохое», упрощенно говоря, отношение, имеющее различную мотивацию (множественность мира – это зло, препятствующее объединению людей; плюральное состояние мира – это распад, болезнь, надо вернуться к единству, даже если придется пожертвовать какими-то «образами» многообразия; истин не может быть много, надо найти «истинную истину» и адаптировать к ней все иное, отбросив все, что не может/не хочет адаптироваться и т. д.), имеет весьма «плохие» последствия, особенно с этической точки зрения.

Положительная оценка связана с тем, что поскольку от плюрализма никуда не денешься, надо признать его в качестве блага и не только не стремиться к борьбе с его элементами, но, напротив, всячески их «холить и лелеять», уютно разместившись в этом нескучном пространстве. «В многокультурном мире комфортно может ощущать себя человек, который не страдает «герметизмом души» и готов предпочесть неисчерпаемое многообразие монотонному повторению» [1, с. 321]. Получается, что для правильно организованного человека, преодолевшего «герметизм души», плюрализм не только не является препятствием самореализации, но и выступает благотворным основанием полноценного бытия.

Ориентированное таким образом сознание не будет доказывать правоту или ложность каких-то философских, религиозных или иных представлений о мире; оно ограничивается признанием многообразия этого мира и никакого разрушительного импульса в себе не несет. Оно рассматривает единообразие как зло, а многообразие как благо. Другими словами, «пусть расцветают все цветы» [2, с. 25]. Однако подобная позиция красиво выглядит лишь в качестве эстетизированной декларации, а при более близком рассмотрении и тем более при попытке практической реализации обнаруживает очевидные изъяны. Встречаются ведь такие «цветы», которые крайне агрессивны к другим «сортам» и нацелены – прямо или косвенно – на их уничтожение. Понятно, чем чревато способствование их процветанию или просто проявление терпимости к факту их существования. Позиция индифферентизма по отношению к таким «цветочкам» также не дает никакой гарантии от трагического столкновения с их агрессией, более того, попустительство, неминуемо сопровождающее эту позицию, способствует распространению агрессии. Получается, что плюрализм вовсе не основание полноценного человеческого бытия, а совсем наоборот – угроза для него.

Как видим, уже «первое прикосновение» к проблеме плюрализма выявляет ее сложность, неоднозначность, внутреннюю «напряженную антимичность», особенно проявляющуюся при соотнесении с реалиями

жизни. А ведь именно возможная *реализация* принципа плюрализма придает проблеме чрезвычайную практическую значимость.

Возможно, попытка теоретической реконструкции проблемы плюрализма позволит очертить ее понятийное и содержательное «пространство», определить основные аспекты, зафиксировать наиболее дискуссионные моменты и наметить перспективы дальнейшего, более глубокого изучения.

Прежде всего необходимо, хотя бы в первом приближении, разобраться с понятийным кругом проблемы, ориентируясь на нетленную установку Платона: определить понятие – значит найти ему «умное место» среди других понятий. Однако адекватно осуществить ее применительно к понятию «плюрализм» чрезвычайно сложно, поскольку степень интуитивно-эмоциональной «нагруженности» и, соответственно, аморфности этого понятия (как и его тематических «собратьев», в первую очередь – «толерантности») исключительно велика.

Считается, что в качестве специального термина «плюрализм» был введен немецким философом XVIII в. Х. Вольфом, однако философские истоки проблемы плюрализма гораздо более «древние» и связаны с противопоставлением идеи множественности начал *монизму*, то есть способу рассмотрения многообразия феноменов мира в контексте наличия их единого основания.

Философский аспект взаимоотношения плюрализма и монизма можно проиллюстрировать идеями Уильяма Джемса, исходящего из того, что реальность не только плюралистична, она «делима и перераспределяема», поскольку между отдельными ее составляющими нет жесткой, однозначной связи, напротив, связи непрерывно меняются. Поэтому «ничто не включает в себя всего и не доминирует над всем. Союз «и» может быть подключен к любому утверждению, а те или иные оттенки всегда оказываются вне зоны внимания». Исходя из этого можно утверждать, что «принцип плюрализма исключает возможность единого языка или дискурса, способного объяснить любой случай, а ведь желание отыскать такой дискурс с давних пор было заветной целью философии» [3, с. 151]. Целесообразно добавить к этому, что даже если ориентироваться «монистически» и пытаться обнаружить единое основание множественности мира, то все равно нельзя игнорировать неприменную «плюралистичность» таких попыток.

Противопоставление плюрализма монизму (не только в философских, но и в иных вариациях и с иными содержательными нюансами) сопровождает проблему плюрализма и в настоящее время, приобретая особую значимость применительно к отдельным разновидностям плюрализма.

Здесь уместно отметить, что отказ от многообразия или попытка его жесткой унификации – путь к стагнации и последующей деградации все-

го человеческого сообщества. К такому финалу может привести жесткий мировоззренческий монизм, который сопровождает мышление тоталитарного типа. Именно он «есть, в конечном счете, передержка наших субъективных религиозных, научных или философских предпочтений, когда излюбленный данным мыслителем (или группой мыслителей и их адептов) круг наблюдений, выводов и идей трактуется как нечто исключительное» [4, с. 212]. С другой стороны, если идея плюрализма не наполнена серьезным содержанием, то она превращается в неявную (или даже явную) апологию трактовки мира как некоей «неоформленной хаотичности», в которой безразлично уравниваются все и вся. Плюрализм в таком ракурсе предстает как эклектичное сочетание разнородных элементов, как бесструктурное множество, в котором отсутствуют приоритеты, нет главного и нет второстепенного. Уйти от этих позиций можно, по мнению Л. Н. Столовича, с помощью идеи «системного плюрализма». Суть ее в том, что «непреложное внутреннее единство Бытия и Мира (не будь такового – что сохранялось бы от энтропии и распада?) дано нам не в безразличии и не в жестком иерархическом подчинении, но через многообразие не совпадающих друг с другом, подчас соперничающих между собой, но творчески дополняющих друг друга человеческих складов и форм человеческой мысли и практики» [4, с. 212]. Бытие характеризуется «недосказанностью», сложностью, противоречивостью и всегда требует живого динамичного осмысления, уходящего от энтропии единообразия и безразличия. Такое мышление отказывается от субъективных претензий на исключительность некой системы взглядов, зачастую навязываемой другим в качестве «абсолютной истины», но в то же время избегает безразличия к истине («эклектический плюрализм»), индифферентности даже к собственной идейной позиции. Принцип «системного плюрализма» нацеливает на диалог, он, по мнению Е. Рашковского, «есть осмысленная, зрячая, эмоционально согретая, пережитая в глубинах человеческого общения диалектика. А диалектика – в строгом философском дискурсе – мыслится как теоретическое обобщение живого опыта диалога» [4, с. 213] – философского, нравственного, политического, религиозного и т. д. Диалог, в свою очередь, основан на внимании к опыту *другого*, на обобщении этого опыта, фундированных принятием ценности *другого*. Забегая вперед, можно отметить, что только такая аксиологическая установка способна солидаризировать *плюрализм и толерантность*.

Затрагивая взаимосвязь плюрализма и *релятивизма*, следует подчеркнуть ее сложность, многоаспектность и, соответственно, необходимость серьезного специального анализа. Тем не менее важно зафиксировать позицию, без которой вряд ли можно обойтись при этической интерпретации плюрализма и толерантности любого формата.

Перспективность разрешения проблемы плюрализма (как в теоретическом, так и в практическом отношении) предполагает решительный отказ от *отождествления*, пусть даже контекстного, плюрализма с релятивизмом либо от излишней «близости» с ним, поскольку негативные последствия релятивистской проекции на человеческий мир, особенно в его ценностном воплощении, весьма опасны. При этом имеется в виду не «умеренный релятивизм», который постоянно сопровождает процесс осмысления мира, а «радикальный релятивизм» (термины условны), гипертрофирующий относительность и отрицающий какую бы то ни было устойчивость вещей и явлений. Впрочем, последовательный ценностный релятивизм весьма проблематичен по многим причинам, не случайно его «апологеты» рано или поздно приходят к необходимости выбора какой-то устойчивой точки опоры, то есть ограничения деструктивного импульса релятивности. Этот импульс особенно заметен в этическом контексте, поскольку релятивистская установка рассмотрения нравственной проблематики неизбежно приводит к имморализму и/или аморализму.

Скептицизм также неизменно включается в понятийное поле проблемы плюрализма и, соответственно, тесно связанной с ней проблемы толерантности. Поскольку «тупики» последовательного скептицизма хорошо известны, хотелось бы в данном случае подчеркнуть достоинства скептического взгляда на мир, способного стимулировать процесс познания, не позволяя разуму останавливаться на достигнутом и превращать плоды своей деятельности в догмы. Скептицизм имеет важное позитивное значение и в становлении личности, побуждая ее к творчеству, критическому отношению к себе и к своим жизненным ориентирам. Вместе с тем важно понимать, что конструктивный смысл скептицизма осуществляется только в том случае, когда установка на сомнение используется «без фанатизма» и преодолевается, «снимается» стадией утверждения (чего-то нового или проверенного, уточненного, прошедшего «горнила скепсиса» старого).

Взаимосвязь скептицизма и плюрализма может проявляться различным образом в зависимости, например, от исследовательской позиции и целевой ориентации теоретического анализа или от индивидуально-ценностных предпочтений в практическом проявлении. Можно рассматривать плюрализм в качестве подоплеку скептицизма или, напротив, фиксировать скептическую предпосылку плюрализма. Можно, в конце концов, провозгласить независимость плюрализма по отношению к скептицизму. Однако для перспективного разрешения проблемы плюрализма совершенно необходимо использование конструктивного скептицизма в качестве одной из обязательных (методологических – в теории, ценностных – на практике) установок – значимых, но не самоценных.

Понятие *ксенофобии* также вовлечено в понятийный и содержательный контексты проблемы плюрализма, особенно при обосновании позитивной или негативной значимости принципа плюрализма. Наиболее общий и достаточно устоявшийся в современной литературе смысл ксенофобии заключается в обозначении феномена страха и нетерпимости к кому-либо или чему-либо чужому, непривычному, не соответствующему собственным представлениям и установкам. Многочисленные следствия обоснования и, тем более, практического проявления ксенофобии крайне негативны и опасны как для ее «объектов», так и для «субъектов», поскольку дестабилизируют социальное и индивидуальное бытие, стимулируют его нравственную деградацию. Поэтому *негативная* оценка феномена ксенофобии является почти единодушной, что, к сожалению, не ликвидирует ее нарастающего практического распространения.

Исходя из этого можно утверждать, что понятия плюрализма и ксенофобии целесообразно рассматривать преимущественно по линии их *противопоставления*, обосновывая позицию не только отсутствия изначальной «загрязненности» плюрализма ксенофобской ориентацией, но и наличия в нем идейного потенциала для дискредитации ксенофобии, противостояния ей.

Поскольку антиподом ксенофобии считается *толерантность*, уместно сейчас перейти к более пристальному ее рассмотрению, используя, в известной мере, высказанные ранее соображения.

Прежде всего необходимо отметить, что толерантность – самое значимое явление, сопряженное с проблемой плюрализма. С толерантностью связаны и наибольшее количество напряженно-дискуссионных вопросов, и главные содержательные аспекты проблемы плюрализма, и ее теоретические и практические перспективы. Нельзя не оговориться на тот счет, что глобальность и неоднозначность проблемы толерантности не позволяют, конечно, репрезентировать ее в данной работе достаточно широко и глубоко. Тем не менее целесообразно хотя бы обозначить те ее грани, которые наиболее тесно соприкасаются с проблемой плюрализма.

Применительно к теоретическому исследованию феномена толерантности конструктивным представляется разведение (по аналогии с упоминавшимися установками относительно феномена плюрализма) *понятия толерантности, проблемы толерантности, принципа толерантности*.

Дословный перевод (с латинского) термина «толерантность» – «терпимость», однако спектр современных интерпретаций *понятия толерантности* значительно шире и связан не только с *терпением* по отношению к «не своему», иному, но и с *уважением* различных проявлений инакомыслия, чужих (и чуждых) мнений, взглядов, ценностных ориентаций, чувств и т. п., признанием их права на существование. Вместе с тем пока

еще довольно часто (как на уровне специального, так и на уровне обычного словоупотребления) встречаются толкования толерантности исключительно как терпения, терпимости. В этой связи в качестве целесообразной и конструктивной исследовательской установки можно предложить различие «*минимального*» (терпимость) и «*максимального*» (терпимость, признание права на существование, уважение иного, способность к диалогу с иным) значений понятия толерантности.

Проблема толерантности, как и проблема плюрализма, связана с отношением к феномену толерантности (воспринимаемому преимущественно интуитивно) и – на уровне более серьезных осмыслений – к понятию толерантности, которое может определяться не только обозначенным выше смыслом, но и произвольной трактовкой.

Интерпретация проблемы толерантности характеризуется чрезвычайно широким спектром позиций и крайней полемичностью, что во многом определяется отсутствием единства мнений на дефинитивном уровне. Поскольку статус толерантности (в независимости от ее проявленности в качестве феномена, принципа или понятия) превышает «полномочия» любого исследования, любой частной позиции, относительно общим ориентиром ее понимания следует, наверное, считать определение в Декларации ЮНЕСКО: «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого разнообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности, <...> это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира...» [5, с. 32]. Такое понимание толерантности аттестует ее не только как позитивную ценность, но и как ценность исключительной универсальной значимости. Однако интолерантное отношение к толерантности находит достаточно большое количество приверженцев и в теории, и, особенно, на практике. Такое положение дел не случайно и объясняется целым рядом причин психологического и социокультурного характера, подробный анализ которых выходит за пределы данного исследования. Поскольку сущностные основания интолерантности обнаруживаются и «внутри» самой проблемы толерантности, на этом можно остановиться чуть более подробно.

Многоликость толерантности фиксируется в первую очередь в ее «двойственной природе», связанной с наличием *позитивного* и *негативного спектров* ее проявления, характерных для обеих наиболее *общих форм* толерантности (толерантность как личная позиция и толерантность как общественно-государственный и цивилизационный принцип). Позитивная значимость толерантности заключается в ее способности утверждать достоинство людей и их право «быть разными», придавая тем самым «защищенность» индивидуальности; уменьшать конфликтность в личном

и общественном бытии; укреплять нравственные основания человеческого сообщества на разных уровнях его функционирования; гармонизировать разнообразие культур, религий, ценностных предпочтений и, следовательно, мир в целом. Перечень «достоинств» толерантности может быть, конечно, продолжен. Нисколько не умаляя положительных свойств толерантности на уровне личностного общения, следует особо подчеркнуть ее современный общечеловеческий статус в качестве обязательного духовного условия выживания цивилизации, поскольку в противном случае «остается только взаимное уничтожение» [6, с. 47].

Негативные свойства толерантности обычно связываются с определенными социальными и индивидуальными «опасностями». К первым можно отнести возможную «маргинализацию» общества, угрозу раздробления государства, утраты единства в отдельной стране, распространение социальных девиаций, усиление экстремизма и т. д. Ко вторым – возможность стимулирования конформизма, попустительства слабостям и недостаткам людей, размывание и даже утрату собственного «Я», манипулирование другими толерантной личностью и т. д.

Феномен толерантности, безусловно, потенциально содержит в себе возможности двойственного характера, актуализация которых зависит от целого ряда условий. Можно зафиксировать основные факторы, препятствующие указанным выше «опасностям»: соблюдение разумной меры в реализации; необходимость нравственных «измерителей» (например, оправданность интолерантности по отношению к злу); рассмотрение толерантности в качестве *средства*, предполагающее понимание *цели* ее использования (при условии этической или нравственной «экспертизы» этой цели); не формально-декларативный, а «естественный» (основанный на осознании и интериоризации) способ проявления; конкретизация функционирования толерантности в зависимости от ее формы, вида.

При нарушении этих условий толерантность утрачивает позитивные потенции. Фиксация «границ толерантности» представляется необходимой, для того чтобы не допустить превращения этой «бесценной добродетели» в свою противоположность; избежать известного «парадокса терпимости», объяснив допустимость интолерантности в ситуациях, когда речь идет о насилии, ущемлении прав и свобод человека, унижении его достоинства, о фашизме, национализме, терроризме, религиозном экстремизме и т. д.

Понятно, что каждое из этих условий нуждается в «расшифровке», а их перечень и субординация не являются общепринятыми. Более-менее солидаризируясь по поводу необходимости поиска убедительного *критерия* меры и оценки толерантности, исследователи расходятся в определении такого критерия. Чаще всего для решения этой задачи избираются «высшие ценности», что вполне соответствует конструктивному «разме-

щению» толерантности в оппозиции «цель – средства», то есть разумному отказу толерантности в статусе *самоценности*. Так, например, целеполагающей установкой и «критерием границы» толерантности «может служить требование: никому не позволять ограничение своей свободы, если она не ограничивает свободу других, поскольку в этом критерии равной свободы, зафиксированной в правах человека, заключен высочайший принцип справедливости» [7, с. 27]. По поводу этой гуманистической декларации можно, однако, заметить, что свобода человека, избираемая в качестве высшей ценности, целеполагающей по отношению к толерантности, вряд ли сама должна выступать как самоценность. Возможно, следует прибегнуть к расширению ракурса видения данной проблемы в таком, например, ключе: «есть точки зрения, позиции, стереотипы, *отрицающие право на жизнь другого человека*, поэтому они не имеют права на «публичное существование» [8, с. 103].

Размышляя в этом направлении, можно убедиться в том, что главным вектором «измерения» толерантности является осуществление ее *этической «экспертизы»*, предполагающей, упрощенно говоря, ее «поведение» в «пространстве добра и зла» и соответствующую моральную аттестацию. Идея Канта об автономии морали, означающая, в частности, необходимость выносить все ценности «на суд морального сознания», не только не утратила своего конструктивного значения, но и приобрела в настоящее время новые импульсы для развития. Во всяком случае, представляется достаточно очевидным, что вне этической проверки на статус добра или зла проблема толерантности неразрешима. Такая проверка, в свою очередь, связана с соотносением оцениваемого (в данном случае – толерантности) со смыслом морали (для придания соответствующего пафоса можно было бы написать здесь слово «смысл» с заглавной буквы). Этот самый смысл может быть определен с помощью двух взаимосвязанных (часто в реальности противостоящих друг другу) требований: стабилизация человеческого сообщества и поддержание самоценности личности. Следовательно, все то, что способствует (по меньшей мере – не препятствует) стабилизации, гармонизации сообщества и самоценности личности, может быть аттестовано как добро, все, что этому препятствует, – как зло. В особенно сложной конфликтной ситуации моральная оценка может модифицироваться и выражаться как «наименьшее зло» или «наибольшее добро», а также терминологически обозначаться понятием «благо». Несмотря на абстрактность предлагаемого критерия оценки (конкретный искать бессмысленно, поскольку любой из них будет лишен необходимой универсальности), он вполне способен выполнять регулятивно-гармонизирующую функцию как в теоретических исследованиях многих сложных феноменов (толерантности и плюрализма – в данном случае), так и в их практической проявленности.

С понимаемой таким образом «позитивной толерантностью» плюрализм должен не просто «солидаризироваться», он должен в определенном смысле «слиться» с ней, приобретая тем самым иммунитет против своих центробежных «анархистских» тенденций, способ конструктивной проявленности и, соответственно, основания для положительной аттестации. Обозначенные выше условия позитивного функционирования толерантности имеют принципиальное значение и для «хорошего», «правильного» плюрализма. Так, например, плюрализм также не должен выступать в качестве самоценности, он, как отмечает О. Хеффе, «представляет собой критическую категорию с ограниченной объяснительной и легитимирующей функцией, которую никоим образом нельзя абсолютизировать» [7, с. 19], и, добавим, подлежит этической «экспертизе» в контексте ситуативной специфики. Другими словами, и плюрализм, и толерантность в «правильном» ракурсе рассмотрения не являются автономными целевыми установками, а должны выступать как средства для более-менее гармоничного бытия людей в сообществе (или, по меньшей мере, просто для возможности существования человеческого мира, а не деградации и гибели).

Необходимость «слияния» плюрализма с «позитивной толерантностью» не означает, разумеется, отождествления этих понятий. Субординация между ними может пониматься различным образом, в зависимости от исследовательской парадигмы, аналитического ракурса, ценностных предпочтений и т. п. Выделение различных оттенков во взаимоотношении данных понятий – занятие не бесполезное, однако в настоящее время важнее, наверное, обоснование и утверждение их теснейшей связи в более широком ракурсе, позволяющем быстрее построить надежный «мостик» для, так сказать, практических надобностей. Продуктивно рассматривать толерантность как своеобразный «ответ» на плюрализм мира, причем ответ адекватный, позволяющий не обострять, а разумно разрешать *проблему* плюрализма, т. е. не пытаться ликвидировать множественность, а использовать ее во благо. В такой связи все характеристики «позитивной толерантности», которые были здесь зафиксированы, можно экстраполировать и на феномен плюрализма.

Высказанные соображения относительно субординации понятий в «зоне» проблем плюрализма и толерантности могут быть использованы, с соответствующими коррекциями, в исследовании *любых* форм исследуемых феноменов. Так, например, применительно к религиозному плюрализму в качестве целесообразной и конструктивной исследовательской установки может выступать различие «*минимального*» (веротерпимость) и «*максимального*» (веротерпимость, а также признание права на существование различных религиозных и нерелигиозных представлений и уважение этого права) значений этого вида плюрализма. Такой подход, вклю-

чающий в себя не только допустимость множественности религиозных воззрений, но и признание «законного статуса» их существования, теснейшим образом связан с признанием права человека на свободу мысли и предполагает «слияние» плюрализма с толерантностью.

Таким образом, предпринятое исследование феноменов плюрализма и толерантности свидетельствовало о сложности, неоднозначности, значительной степени понятийной аморфности данной проблематики, а его результаты позволили предложить *начальную* теоретическую конструкцию, намечающую контуры дальнейшего, более глубокого и конкретизированного анализа.

Как уже отмечалось, статус феноменов плюрализма и толерантности определяется прежде всего практической значимостью, поэтому изучение их *эмпирической фактуры* представляется весьма интересным, даже в случае относительно небольшого ее объема. Кроме того, конкретизация этой фактуры применительно к специфике профессиональной деятельности позволяет рассматривать получаемые результаты в контексте возможного практического использования. Эти соображения выступали в качестве мотивационного фона проведенного мной исследования студенческих мнений относительно некоторых аспектов толерантности, которое представляло собой не столько формальный, сколько содержательный анализ достаточно объемных студенческих работ. Изучение этих работ (более 90, отделения социологии и философии) позволило получить ряд обобщений, часть которых определенно коррелируется с вышеизложенными результатами теоретического анализа и поэтому может быть предложена в качестве своеобразной «эмпирической иллюстрации», отражающей «мини-срез» практических реалий.

Высказанные студентами мнения по поводу *определения понятия «толерантность»* позволяют сделать вывод, что большинство из них склонно рассматривать его не столько в узком, сколько в широком смысле, связанном с уважением к инакомыслию, к чужим мнениям, ориентациям, чувствам, т. е. ко всему, что позволяет каждому человеку придерживаться собственных взглядов («готовность признать права других не быть похожими на тебя и иметь свои взгляды, убеждения, ценности, несмотря на то что они могут противоречить твоим»). Разумеется, была обозначена и позиция отождествления толерантности и терпимости, однако при более конкретном описании феномена толерантности все равно присутствовали элементы ее более объемного понимания. В целом представления студентов о толерантности (даже на уровне обыденного сознания, не фундированного специальным изучением литературы) соответствует упоминавшемуся определению в Декларации ЮНЕСКО.

Ответы на вопрос о *позитивных и негативных проявлениях* толерантности обнаружили солидарность студентов относительно двойственной

природы данного феномена. Подчеркивая преимущественную *позитивную* значимость толерантности, студенты фиксировали ее способность придавать «защищенность» жизни человека; утверждать свое и чужое достоинство, «многоликость истины» и, соответственно, право людей «быть разными»; устранять «злобу, напряженность, предвзятость в отношениях»; укреплять «нравственные устои общества»; уменьшать конфликтность в личном и общественном бытии; гармонизировать различные культуры, религии и мир в целом. Понимая общечеловеческий статус толерантности в качестве необходимого условия выживания современного глобального общества и его нравственных перспектив («мир должен стать добрее»), студенты все же более эмоционально описывали различные срезы ее личностной значимости, общая тональность которых может быть выражена приведенным в одной из работ известным высказыванием Экзюпери: «Помни, что мнение одного человека не может быть единственно верным. Если я чем-то на тебя не похож, я этим вовсе не оскорбляю, а, напротив, одаряю».

В студенческих работах выявлен и широкий спектр *негативных* проявлений толерантности, связанных как с социальными, так и с индивидуальными «опасностями». К первым студенты относят возможную «маргинализацию общества», угрозу раздробления государства, утраты единства в стране, «распространения социальных девиаций», усиления экстремизма и т. д. Однако, как и в случае позитивной оценки толерантности, большее внимание уделяется опасностям индивидуального характера: «избыточная» толерантность провоцирует такие явления, как конформизм, «соглашательство», высокомерная снисходительность к другим или равнодушие, ущемление собственных интересов (опасность «потерять свое»), злоупотребление другими «твоим толерантным к ним отношением», попустительство слабостям и недостаткам людей.

Таким образом, студенты понимают, что «избыточная» толерантность оборачивается своей негативной стороной, поэтому соблюдение разумной меры («границ») в ее реализации рассматривается большинством студентов в качестве обязательного условия. В некоторых работах отмечается связь толерантности с плюрализмом (в ином, правда, терминологическом выражении, например: «в разнообразном, множественном мире невозможно обойтись без толерантности»). Неоднократно встречается и представление о том, что оценка толерантности зависит от ее вида (выделяются, например, политическая, научная, религиозная, педагогическая, административная, культурная разновидности толерантности), а также от конкретной ситуации. Кроме того, студенты обращают внимание на «образы» проявления толерантности: современная «мода на толерантность» часто приводит, по их мнению, лишь к *формальной* демонстрации, а *естественная* толерантность» должна воспитываться с детства. Такой вдум-

чивый и, в известной мере, комплексный подход большого количества студентов к проблеме «измерения» толерантности производит благоприятное впечатление, однако самым значимым, вероятно, результатом данного исследования являются те установки, которые избираются (осознанно или интуитивно, прямо или косвенно) студентами в качестве главного основания своих размышлений. При всем различии формулировок на этот счет такое основание представляет совокупность *нравственных* ориентиров. Этический ракурс рассмотрения толерантности и ее интегративной оценки выступает в качестве ведущего, поэтому не случайно во многих работах содержание «правильной» толерантности связывается с «золотым правилом нравственности» (или даже с категорическим императивом Канта); толерантность рассматривается как лидирующая моральная добродетель; отмечается обязательность «моральных ограничителей» при реализации толерантности (оправданность интолерантности по отношению к проявлениям зла, наличие моральной мотивации и др.). Как справедливо подчеркивают некоторые студенты, толерантность следует рассматривать только в качестве *средства* для решения тех или иных проблем, что же касается *целей*, то они нуждаются в этической коррекции. Понятно, что такой подход студентов частично объясняется заданной им темой: «Толерантность: опыт этической экспертизы», но проявленные ими способности к работе такого рода не могут не радовать.

Интересно было проследить, не искажаются ли эти общие представления о толерантности на более конкретном уровне размышлений. Один из вопросов, ориентированный именно на это, предполагал оценку студентами *значимости толерантности в процессе образования* в целом, а также применительно к различным видам отношений (преподаватель – студент; руководство факультета – сотрудники и студенты факультета; студент – студент; преподаватель – преподаватель). Что касается обобщенной оценки, то мнения всех студентов совпадают, т. е. они придают чрезвычайно большое значение реализации толерантности в учебном процессе («здесь она обладает ключевой значимостью»), поскольку это способствует гармонизации отношений всех участников учебного процесса, благоприятному морально-психологическому климату на факультете; помогает «установлению справедливости»; сдерживает проявления деструктивного. Другими словами, толерантность в процессе образования вообще, и в частности, на факультете философии и социальных наук, эффективна, полезна, нравственно обоснована и необходима.

Определяя свою позицию относительно отношений между *преподавателями и студентами*, авторы работ проявляют понимание важности своеобразного «взаимного движения», т. е. обоюдной ориентированности на толерантность, наличия определенных взаимных моральных обязан-

ностей. Конструктивный диалог, без которого невозможно полноценное образование, требует, в частности, освобождения от «неправильных» стереотипов (преподаватель – «вечно злой, много требующий, недовольный твоей работой человек», а студент – «лентяй, бездельник»), взаимопонимания и взаимной доброжелательности. Вместе с тем, осознавая известное «неравенство сторон» (должностная и возрастная субординации, принадлежность к «различным культурам»), большинство студентов основной груз ответственности совершенно справедливо возлагает на преподавателей, которые должны «показывать пример» толерантности, создавать благоприятную обстановку для ее проявления, стимулировать ответную толерантную реакцию студентов. Кроме того, толерантность для преподавателя имеет особое значение, так как постоянное взаимодействие со студентами предполагает «столкновение различных убеждений, взглядов, принципов, которые иногда могут быть вызовом профессионализму», другими словами, интолерантный преподаватель не может претендовать на статус профессионала «высшей пробы». В данном случае студенты осознают (или интуитивно улавливают) весьма важные особенности феномена толерантности, связанные с плюрализмом и конструктивным диалогом.

Обобщенно понимание студентами толерантности преподавателя выражается в требованиях «объективности», доброжелательности и справедливости («преподаватель не должен занижать оценки или относиться предвзято к студентам других национальностей, вероисповедания или сексуальной ориентации, так как знание и наука «толерантны» и подвластны людям различных ориентаций»). Более конкретно это понимание выражается в таких, например, суждениях: преподаватель никогда не должен унижать студентов, публично критиковать их за форму одежды или другие «внешние проявления», «давать оценку личности студента», проявлять высокомерие, использовать студентов в личных целях (особенно «корыстных»), а должен создавать атмосферу, чтобы студент «не боялся говорить»; «прощать студентам их несовершенства», не только проявлять терпимость к собственным мнениям студентов, но и стимулировать их. Кстати говоря, выступая за «свободу самовыражения», студенты вовсе не стремятся «быть наравне» с преподавателем и не склонны положительно оценивать избыточно демократический стиль общения некоторых преподавателей с ними. Конечно, «пропасти быть не должно», но сохранение известной дистанции позволяет воспринимать преподавателя в качестве «авторитета», «наставника» и адекватно реализовывать толерантность студентов по отношению к нему, проявляющуюся главным образом в уважении.

Интересно, что довольно большое количество авторов работ выражает следующую установку: «в интеракции *преподаватель – преподаватель* толерантность имеет наибольшее значение, чем во всех других

взаимоотношениях», поскольку «от толерантного отношения между преподавателями зависит стабильность ситуации во всем университете». Толерантность является основой преподавательской этики и предполагает «терпимость и уважение» своих коллег, а различие во взглядах не должно становиться «камнем преткновения» в выстраивании «хорошего партнерства». Более того, некоторые студенты подчеркивают творческую, новационную значимость толерантности в отношениях преподавателей: «прислушиваясь, осмысливая, понимая и принимая другого, можно открыть что-то новое для себя, усовершенствовать свои идеи, теории», т. е. можно достичь «гораздо большего, чем просто терпя и критикуя». Различные позиции для преподавателей (и в науке, и в преподавании) – «это совершенно нормальное явление», поэтому преподаватели должны проявлять самокритичность, исключать даже элементы агрессивности, завистливости, «злобности» по отношению к коллегам, «выуживать» в их позициях «зерна разума».

Обладая относительным статусным равенством, преподаватели, по мнению некоторых студентов, «не равны» в возрастном отношении, связанном не только с отсутствием/наличием опыта работы, но и с различиями (иногда весьма существенными, порождающими даже серьезные конфликты) в ценностных ориентациях. Чтобы возможное на этом основании неприятие друг друга «не увеличивалось, опытному преподавателю стоит проявить терпимость и снисхождение к молодому коллеге, а последнему, в свою очередь, надо не принимать в штыки советы старших, а воспринимать их как ценную и полезную информацию», компенсирующую отсутствие собственного опыта.

Что касается проявлений толерантности по линии *руководство факультета – сотрудники и студенты факультета*, то авторы работ прежде всего отмечают «неравенство сторон», основанное на наличии у первой стороны реальной власти, перед которой, точнее, перед носителями которой, подчиненные «испытывают определенный страх». Можно предположить, что именно подчиненное положение второй стороны этих отношений проблематизирует реализацию их толерантности к первой стороне.

Подчеркивая исключительную значимость для всего учебного процесса и для работы факультета в целом толерантного отношения руководства к «своим подопечным», студенты основой такого отношения считают следующие установки:

- приоритет общих (в данном случае – факультетских) интересов над личными;
- приоритет «законов человеческих над бюрократическими»;
- умение не только прислушиваться к мнению подчиненных, но и поощрять их инициативы, реально их использовать;

- соблюдать во всех ситуациях («даже самых напряженных») этикетные нормы, основанные на корректности, уважении, поддержании личного достоинства подчиненных;
- предоставлять преподавателям «больше свободы для нового», особенно в сфере методики преподавания.

Возлагая на руководителей серьезные обязанности (преимущественно нравственного характера), студенты понимают, что руководители, обладая властью над своими факультетскими «подопечными», сами должны подчиняться предписаниям высших инстанций, что часто препятствует их толерантности.

Таким образом, практически все рассуждения студентов относительно конкретного проявления толерантности в образовательном процессе полностью соответствуют описаниям ими этого феномена на уровне теоретических обобщений. При этом в их мнениях не только фиксирует должностовательный статус толерантности (и, косвенно, плюрализма), но и отражается уровень сущего (используемый преимущественно по принципу «от противного»).

Такая небольшая «эмпирическая иллюстрация» не может, конечно, претендовать на серьезное подтверждение результатов теоретического исследования некоторых граней феноменов плюрализма и толерантности, однако достаточно рельефно выявляет «созвучие» с ними. Это обстоятельство целесообразно рассматривать в качестве дополнительного стимула дальнейшего анализа проблем плюрализма и толерантности в контексте обозначенных в статье исследовательских ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
2. *Уолцер, М.* О терпимости / М. Уолцер. М., 2000.
3. *Менанд, Л.* Плюрализм / Л. Менанд // Звезда. 2005. № 4.
4. *Рашковский, Е.* О недосказанном плюрализме / Е. Рашковский // Нева. 2006. № 2.
5. Декларация принципов толерантности. ЮНЕСКО, 1995 // Права человека, толерантность, культура мира. Документы. М., 2002.
6. *Лекторский, В. А.* О толерантности, плюрализме и критицизме / В. А. Лекторский // Вопросы философии. 1997. № 11.
7. *Хеффе, О.* Плюрализм и толерантность: к легитимации в современном мире / О. Хеффе // Философские науки. 1991. № 12.
8. Толерантность / общ. ред. М. П. Мчедлова. М., 2004.